

DOI: 10.31857/S086904992206003X
EDN: FBZOVK

Оригинальная статья / Original article

Конституционно-политический кризис в Пакистане: теория и практика¹

© Г.Г. МАКАРЕВИЧ

Макаревич Глеб Григорьевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), gmakarevich@imemo.ru. ORCID: 0000-0001-8037-0973

Статья посвящена конституционно-политическому кризису 2022 г. в Пакистане. Политические субъекты в Пакистане разделены на две группы: профессиональные публичные политики и так называемый истеблишмент – вооруженные силы, судьи, гражданская бюрократия, исламское духовенство, землевладельцы и феодальная аристократия. Вторая группа обладает политической, экономической и культурной гегемонией. Представлен обзор теоретических подходов для анализа политических процессов в незападных обществах. Конституционно-политический кризис 2022 г. в Пакистане анализируется через призму конструктивизма, теории элит и исторической социологии. Кризис стал свидетельством не трансформации политической системы, а гибкости и устойчивости ее основ. Истеблишмент доказал, что освоил ненасильственные инструменты для свержения неугодных гражданских правительств, чтобы удерживать власть и руководить страной. Дан прогноз, что такой баланс сил вряд ли изменится до тех пор, пока публичные политики не создадут альтернативный нарратив о прошлом, настоящем и будущем страны.

Ключевые слова: Пакистан, политический кризис, метанарратив, властвующая элита, истеблишмент

Цитирование: Макаревич Г.Г. (2022) Конституционно-политический кризис в Пакистане: теория и практика // Общественные науки и современность. № 6. С. 35–44. DOI: 10.31857/S086904992206003X, EDN: FBZOVK

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement no. 075-15-2020-783).

Constitutional and Political Crisis in Pakistan: Theory and Practice

© G. MAKAREVICH

Gleb G. Makarevich, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), gmakarevich@imemo.ru. ORCID: 0000-0001-8037-0973

The article analyses the constitutional and political crisis in March-April 2022 in Pakistan. Political actors in Pakistan are divided into two groups: public politicians and the so-called establishment – the armed forces, the judiciary, civil bureaucracy, the ulema, landlords and feudal aristocracy. The latter group possesses three types of hegemony – political, economic, and cultural. An overview of theoretical approaches applied to the analysis of political processes in non-Western societies is provided. It is proposed to observe the 2022 constitutional and political crisis in Pakistan through the lens of constructivism, elite theory and historical sociology. The concerned crisis does not entail the transformation of the system, but the manifestation of greater flexibility and stability of its foundations. The establishment proved to master non-coercive instruments to topple unsatisfactory governments to continue staying in power and leading the country. Such a balance is not likely to change until public politicians create an alternative narrative about the past, present, and future of the country.

Keywords: Pakistan, political crisis, master narrative, power elite, establishment

Citation: Makarevich G. (2022) Constitutional and Political Crisis in Pakistan: Theory and Practice. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 35–44. DOI: 10.31857/S086904992206003X, EDN: FBZOVK

О природе конституционно-политического кризиса в марте-апреле 2022 г. в Исламской Республике Пакистан спекулируют не только эксперты-международники во всем мире, но акторы и в самой стране. Не существует однозначного ответа на ключевые вопросы о кризисе: почему оппозиция решительно выступила против правительства И. Хана именно в рассматриваемый период, хотя противники премьера объединились еще в сентябре 2018 г.? Какие силы больше всего повлияли на исход политического противостояния? Можно ли говорить о трансформации политической системы страны?

В статье предлагается разделить участников политического процесса в Пакистане на две условные группы: непосредственно публичные политики – лидеры правящей и оппозиционных партий, ведущие партийные работники, рядовые парламентарии, и так называемый истеблишмент – представители вооруженных сил, судебной власти, гражданской бюрократии, исламского духовенства, крупных землевладельцев и феодальной аристократии. Ключевую роль второго в политике страны в целом и рассматриваемом кризисе в частности объясняют три вида гегемонии.

Политическую гегемонию осуществляют через прямое (военные перевороты) и косвенное (распространение информации о поддержке конкретного кандидата или партии) вмешательство в политический процесс. Экономическая гегемония проявляется в том, что перечисленные группы имеют доступ к большинству совокупного объема материальных ресурсов страны. Культурная гегемония заключается в способности истеблишмента транслировать в качестве метанарратива Пакистана свои представления об истории страны, ее текущем положении и траекториях будущего развития. Представители истеблишмента воспринимают себя как самых искренних сторонников распространяемых о стране narra-

тивов, их создателей и защитников, что дает им обоснование смещать выборное гражданское руководство в случае, если оно проводит «не отвечающий национальным интересам политический курс».

В ходе исследования были проанализированы теоретические работы таких американских авторов, как У. Ростоу [Rostow 1959], Э. Саид [Said 1979], Б. Андерсон [Anderson 2006], Ч. Р. Миллс [Mills 2000] и Р. Лахман [Lachmann 2013]. При анализе политических процессов непосредственно в Пакистане привлекались как работы отечественных специалистов – В.Я. Белокреницкого [Белокреницкий 2019], Н.А. Замараевой [Замараева 2015] и А.Л. Филимоновой [Филимонова 2010], так и пакистанских исследователей – М. Васима [Waseem 2021] и А. Сиддики [Siddiqi 2017]. Источниками стали пакистанские нормативно-правовые акты, включая Конституцию страны, а также материалы СМИ.

Применяемая и предлагаемая теоретическая оптика

По мнению автора, для анализа политического процесса в Пакистане в целом и конституционно-политического кризиса 2022 г. в частности неприемлемы подходы, которые наиболее часто используют в изучении незападных обществ. Их можно условно обозначить как модернизационный и ориенталистский.

Первый опирается на ряд теорий модернизации, толчком к разработке которых стала необходимость обосновать союзнические отношения США с авторитарными режимами в «третьем мире», которые создавались для сдерживания советской идеологической экспансии [Raghavan 2018, 160–165]. Первой такой разработкой стала теория стадий экономического роста У. Ростоу, согласно которой в ходе своего развития страны проходят пять стадий: традиционное общество, созревание предпосылок для «подъема» (preconditions for take-off), «подъем» (take-off), «переход к зрелости» (drive to maturity), эпоха массового потребления (age of high mass consumption) [Rostow 1959].

Теория упускает из виду то, что перечисленные стадии могут сосуществовать – это часто встречается в незападных обществах. Признаки традиционного общества можно обнаружить на всей территории Пакистана, предпосылки для «подъема» едва ли созрели во всех провинциях, «подъем» в полной мере наблюдается лишь в провинции Панджаб, а оставшиеся две стадии проявляются в крупных городских агломерациях – Карачи, Лахоре и Исламабаде.

Ограничения модернизационной парадигмы не должны подталкивать исследователя к другой крайности – ориенталистскому мышлению, которое основано на онтологическом и эпистемологическом разделении между «Востоком» и «Западом» [Said 1979, 2–3]. Конструируя «Другого» или переключая опыт развития европейских стран, исследователи не получают приемлемого ответа на поставленные вопросы. В качестве альтернативы автор предлагает использовать комбинацию трех методологических подходов: конструктивизма, теории элит и исторической социологии.

Особенности строительства нации-государства в Пакистане

Изначально Пакистан был идеей, конструктом. Можно согласиться с Б. Андерсоном в том, что любая нация в первую очередь представляет собой воображаемое политическое сообщество, которое зиждется на учениях эпохи Просвещения. Его члены не могут знать друг друга лично, но воспринимают себя как единую общность в определенных границах [Anderson 2006, 5–7].

Андерсон полагает, что нация конструируется в результате распространения общего языка и появления доступных печатных изданий (print media) на языке, который формирует

общую повестку [Anderson 2006, 67–72]. В Пакистане, однако, можно выделить условно три крупные языковые среды – высший класс, представители которого получали образование в ведущих британских и американских вузах и говорят в основном на английском языке; средний класс, воспринимающий в качестве основы своей идентичности язык урду, и автохтонные этнические группы, которые преимущественно используют родные языки.

Если английский остался основным языком для высокообразованной элиты и после получения Пакистаном независимости, то урду стал родным языком для слоев населения, которые приняли идею Пакистана как своего отечества.

«Духовный отец Пакистана» и создатель «теории двух наций» М. Икбал выделял ислам и язык урду в качестве основ будущей нации мусульман, хотя мусульманские общины Южной Азии формировались по собственным историческим путям, не обладали единым пантеоном религиозных авторитетов и говорили на разных языках [Филимонова 2010]. Соответственно, формирование пакистанской нации подразумевало отказ от конкретных исламских доктрин в пользу более общих понятий «исламской идентичности» и «языка мусульман».

Автохтонные этнические группы не смогли отказаться от своей идентичности в пользу новообразованного государства, сохранили связи с локальными сообществами по другую сторону границы и не встроились в политическую иерархию страны.

Таким образом, представители перечисленных групп буквально живут в разных мирах, которые конструирует соответствующая печатная пресса. Англоговорящая интеллигенция читает относительно либеральные СМИ, средний класс предпочитает материалы с выраженной патриотической позицией, а этнические меньшинства больше озабочены локальной повесткой и не вовлечены в общенациональный политический процесс.

Властвующая элита в Пакистане

Ведущую роль в конструировании Пакистана как нации-государства играют представители второй из перечисленных выше групп – вооруженные силы, судьи, гражданская бюрократия, мусульманское духовенство, крупные землевладельцы и феодальная аристократия. Выходцы из них составляют так называемый не избираемый истеблишмент. Они формируют костяк пакистанской властвующей элиты (power elite). Ч. Миллс выделяет три взаимозависимых и относительно равноправных группы – политические, экономические и военные элиты [Mills 2000, 15], однако в случае Пакистана элитные группы распределяются иначе.

Изначально политическую элиту страны составляли выходцы с территорий современной Индии, которых называют мухаджирами (то есть совершившие хиджру – переселение в благочестивых целях по примеру Пророка Мухаммада): «отец-основатель» Пакистана М. Али Джинна был этническим гуджаратцем и состоялся как политик в Бомбее, а его соратник и преемник Л. Али Хан принадлежал к землевладельческой семье из ныне индийского штата Уттар-Прадеш; выходцем из того же региона был председатель партии «Мусульманская лига» Ч. Халикуззаман.

Будучи меньшинством по отношению к коренному населению Пакистана, мухаджиры искали политической поддержки у землевладельческих кланов Панджаба. Спустя несколько десятилетий существования государства роль мухаджиров значительно снизилась, а определяющим процессом стала «панджабизация» элит, в результате которой выходцы из крупнейшей провинции Пакистана заняли ключевые должности в высшем армейском руководстве и федеральном гражданском аппарате, образовав «истеблишмент» [Белокреницкий 2019].

В итоге профессиональные публичные политики в Пакистане могут считать свое положение устойчивым до тех пор, пока они не находятся в конфликте с истеблишментом, в первую очередь – с армией. Генералитет имеет свои сложившиеся представления о ряде проблем национальной безопасности (в самом широком толковании), а потому стремится не допускать принятия решений по важным для него вопросам без учета своих интересов, в том числе – корпоративных [Siddiqi 2017]. В противном случае происходит открытый конфликт между армией и правительством, который объединяет оппозицию [Замараева 2015].

Следует отметить, что группы истеблишмента не всегда выступают единым фронтом и не отличаются полной общностью интересов: как на разных исторических этапах, так и в современном Пакистане между ними складывались весьма непростые отношения, зачастую далекие от дружественных. Истеблишмент представляет собой монолитную силу лишь в кризисных ситуациях, когда присутствует консенсус о необходимости решительных политических действий – как правило, подобная ситуация возникала после военных переворотов. С ослаблением военных режимов разногласия, наоборот, возрастали и приводили к тому, что различные группы истеблишмента выступали на стороне той или иной гражданской политической силы.

Ко всему прочему, целый ряд представителей истеблишмента из кругов исламских клерикалов, крупных земельных собственников и племенной элиты являются видными членами различных политических партий и выборных органов власти. В результате они одновременно считаются частью истеблишмента и субъектами публичной политики. Так, основатели двух влиятельнейших политических кланов Пакистана – Шарифов и Бхутто-Зардари – происходят из предпринимательских и землевладельческих семей, и в начале своей карьеры они были протеже военных. Однако их попытки установить контроль над генералитетом неминуемо приводили к открытому конфликту и лишению властных полномочий.

Применимость исторической социологии к изучению политического процесса в Пакистане

Таким образом, чтобы понимать политические процессы в Пакистане, необходимо иметь в виду императивы ключевых элитных групп, которые определяют национальную повестку. Генезис пакистанского истеблишмента можно проследить с помощью исторической социологии. Согласно Р. Лахману, дисциплина ставит перед собой следующие задачи: находить отличия между несущественными повседневными человеческими действиями и редкими ситуациями, когда люди трансформировали социальную структуру; объяснять, почему преобразующие события происходят в определенное время и в определенном месте; демонстрировать, как определенные события делают возможными события последующие [Lachmann 2013, 10–11].

Так, предпосылкой обретения военными в Пакистане нынешнего социального статуса стала рекрутинговая стратегия британской колониальной администрации, представители которой считали панджабцев «воинственным народом» (martial race) [Omissi 1994, 15–20]. После обретения независимости считавшийся ранее «гарнизонной территорией» (garrison area) Панджаб оказался самой густонаселенной провинцией в новом независимом государстве. Бежавшие из Индии панджабцы-мусульмане безоговорочно приняли новую родину, поскольку по ту сторону границы у них ничего не осталось. Они воспринимали Индию как угрозу существованию «государства мусульман» и придавали высокое значение армии. Данные взгляды переняло большинство панджабцев, которые приняли идею Пакистана [Waseem 2021, 103–128].

В итоге действующая Конституция 1973 г. гласит, что вооруженные силы Пакистана должны не только защищать страну «от внешней агрессии или угрозы войны», но и «действовать с целью оказать помощь гражданским властям в тех случаях, когда их к этому призывают». Также никто не имеет права препятствовать армии в исполнении возложенных на нее гражданскими властями (в лице президента страны) обязанностей до окончания проводимой вооруженными силами операции².

Анализ действий каждой группы, контекста, в котором они действуют, и последствий, к которым приводят их действия, может улучшить понимание политических процессов, которые кардинально отличаются от привычных нам и якобы интуитивно понятных западных практик.

Конституционно-политический кризис в Пакистане: причины, развитие и действующие субъекты

Устойчивость общей конфигурации сил в пакистанской политике не означает, что во взаимоотношениях гражданских политиков и истеблишмента отсутствует вариативность. Так, после отставки генерала-президента Первеза Мушаррафа в 2008 г. вместо прямого вмешательства в политику армия стала поддерживать внесистемных кандидатов, не связанных с кланами Шарифов и Бхутто-Зардари, представители которых уже имели долгую и сложную историю взаимоотношений с истеблишментом.

Направленная против политиков старой формации антикоррупционная кампания лидера партии «Движения за справедливость» (Pakistan Tehreek-e-Insaf, PTI) И. Хана одновременно снижала популярность у избирателей и оставалась безопасной для истеблишмента. Харизма бывшего капитана сборной Пакистана по крикету, помноженная на слухи о поддержке кандидата со стороны армии, обеспечили лидеру партии победу на всеобщих парламентских выборах в 2018 г.

Победа И. Хана объединила политические партии с многолетней историей, которые в предыдущие годы были непримиримыми противниками. В сентябре 2020 г. появилось «Демократическое движение Пакистана» (Pakistan Democratic Movement, PDM). В объединение вошло 11 политических партий, однако главными его движущими силами стали условные правоцентристы «Пакистанская мусульманская лига Наваза Шарифа» (Pakistan Muslim League (N), PML-N), условные левоцентристы «Пакистанская народная партия» (Pakistan Peoples Party, PPP) и исламисты «Джамиат-и улама-и ислам Фазл ур-Рехмана» (Jamiat Ulema-e-Islam (F)). Несмотря на то что оппозиция безостановочно критиковала правительство за неудачи в социально-экономической сфере и угрожала ему вотумом недоверия, до определенного времени она не вступала в активное противостояние с премьер-министром.

Объяснение, как представляется, заключается в способности И. Хана на протяжении нескольких лет поддерживать видимость прочности военно-гражданского кондоминиума. Однако отношения между премьером и армией значительно охладели вследствие изменения ситуации в регионе после ухода американских войск из Афганистана и проблем со странами Запада. Они были недовольны прокитайским курсом Исламабада на международной арене и недостаточным вниманием к кооперации с США и европейскими странами.

Первым признаком изменений стали слухи о разногласиях по поводу назначения нового руководителя Межвойсковой разведки Пакистана (Inter-Services Intelligence, ISI).

² The Constitution of Pakistan (1973) Part XII, Chapter 2: Armed Forces. Article 245 (1, 2–4). (<http://pakistani.org/pakistan/constitution/part12.ch2.html>).

Проблема состояла в том, что генералитет якобы назначил нового главу ведомства без консультаций с премьер-министром. Кроме того, считалось, что у И. Хана сложились доверительные рабочие отношения с генерал-лейтенантом Ф. Хамидом. Спустя три недели консультаций премьер все же утвердил предлагаемую армией кандидатуру генерал-лейтенанта Н. А. Анджума³.

Несмотря на заверения правительственных чиновников о беспочвенности слухов о конфликте, оппозиция сделала выводы об ослаблении позиций премьер-министра. После официального визита И. Хана в Москву (23–24 февраля 2022 г.) на фоне начала специальной военной операции России на Украине и последовавшей за ним негативной реакцией западных стран армия демонстративно отстранилась от политического процесса⁴. Данное развитие событий придало уверенности оппонентам премьера – оппозиция потребовала провести голосование в нижней палате парламента с целью выразить недоверие действующему правительству.

Чтобы избежать неудачного исхода голосования, И. Хан решил распустить парламент в соответствии со статьей 58 (часть 1) и статьей 48 (часть 1) Конституции. В ответ лидеры оппозиции обратились ко второй могущественной и независимой институции истеблишмента – Верховному суду, что перевело политический кризис в разряд конституционных.

Долгое время роль судебных органов власти в политических кризисах сводилась к толкованию действий исполнительной власти (будь она представлена гражданскими или военными) в духе «Доктрины государственной необходимости» (Doctrine of State Necessity), согласно которой противоречащие Конституции действия допустимы в случае серьезных угроз государственности Пакистана.

Считается, что в первый раз доктрина была применена в судебном процессе «Федерация Пакистан против Тамизуддина Хана». После того, как генерал-губернатор Г. Мухаммад распустил первый состав учредительного собрания, его председатель Т. Хан обратился в Главный суд Синда (Sindh Chief Court) с требованием признать незаконность действия исполнительной власти и получил поддержку судей. Однако Федеральный суд Пакистана (Federal Court) объявил решение региональной инстанции недействительным, таким образом поддержав действия исполнительной власти. В дальнейшем на протяжении всей политической истории Пакистана суд руководствовался скорее политической целесообразностью, чем положениями Конституции [Jatoi, Mustafa, Kataria 2022].

Политическое могущество представителей судебной власти Пакистана и Верховного суда, в частности, основано на третьей части 184-й статьи Конституции Исламской Республики Пакистан: «Без ущерба для положений статьи 199, Верховный суд, если он сочтет, что речь идет о вопросе общественной важности в связи с обеспечением каких-либо фундаментальных прав, представленных в первой главе второго раздела Конституции, имеет право издать постановление в отношении вопроса, указанного в настоящей статье»⁵.

Таким образом, Конституция позволяет Верховному суду вмешиваться в политический процесс без обращения какой-либо стороны и выносить, в сущности, политические решения без мандата, полученного посредством электорального процесса. Такие поста-

³ Syed B.S. Standoff on ISI chief ends, Anjum named new spymaster. The Dawn. 27 October 2021. (<https://www.dawn.com/news/1654275>).

⁴ Yousaf K. Army has nothing to do with politics: ISPR. The Express Tribune. 10 March 2022. (<https://tribune.com.pk/story/2347314/army-has-nothing-to-do-with-politics-ispr>).

⁵ The Constitution of Pakistan (1973) Part VII: The Judiciary. Chapter 2: The Supreme Court of Pakistan. Article 184 (3). (<https://www.pakistani.org/pakistan/constitution/part7.ch2.html>).

новления получили название *suo moto*, и судьи неоднократно применяли их в отношении политиков и политических партий.

В ходе конституционно-политического кризиса 2022 г. судьи вновь выступили в качестве политического субъекта, издав *suo moto*, которое признало роспуск нижней палаты парламента неконституционным⁶. По итогам все же состоявшегося голосования правительству И. Хана выразили недоверие, и к власти пришло коалиционное правительство оппозиции.

В дни неопределенности ясно обозначили свою позицию военные: начальник штаба сухопутных войск вооруженных сил Пакистана генерал К. Дж. Баджва заявил, что специальную военную операцию России на Украине необходимо «немедленно остановить», а Пакистану необходимо поддерживать «долговременные и безупречные стратегические отношения с США»⁷.

Явное противоречие между риторикой военных и премьер-министра предопределило решение суда. Его вердикт демонстрирует стремление не просто оказаться на стороне победившей оппозиции, а напрямую способствовать ее успеху, удовлетворяя чаяния их вероятных патронов – вооруженных сил Пакистана. Армия и суд выступили в связке, отправив в отставку прежнее правительство и «благословив» новое – вероятно, с расчетом на еще большую его зависимость и управляемость.

Выводы и перспективы

Таким образом, истеблишмент в Пакистане сохраняет полный контроль над ситуацией в стране, избегая прямой конфронтации с гражданским политическим классом. Истеблишмент стремится найти приемлемого политика и поддерживает его до тех пор, пока проводимый курс отвечает национальным интересам Пакистана в понимании ключевых элитных групп.

Устойчивое положение истеблишмента обусловлено общим социальным происхождением его представителей, близостью входящих в него групп к рычагам власти и обеспеченностью ресурсами. В то же время их объединяет общее видение истории Пакистана, его текущего положения и дальнейшей судьбы.

Того же нельзя сказать о политическом классе, который на протяжении всей истории страны никогда не побеждал в противостоянии с истеблишментом, а в последние десятилетия и вовсе стремится продемонстрировать свою солидарность с ним по ключевым вопросам, чтобы избежать открытого конфликта.

Конституционно-политический кризис 2022 г. в Пакистане возник из-за неблагоприятной международно-политической конъюнктуры и осложнялся наметившимися ранее разногласиями между правительством И. Хана и армией. В такой ситуации истеблишмент не встал на сторону премьера в его противостоянии с политической оппозицией, а на пике конфликта даже выступил на стороне протестующих, способствовав смещению руководства страны и изменению ее политического курса в сторону налаживания отношений с Западом.

Ряд политологов и журналистов в Пакистане предполагали, что первое в истории смещение правительства через парламентскую процедуру приведет к трансформации паки-

⁶ *Suo Moto Case no. 1. The Supreme Court of Pakistan. 03 April 2022.* (https://www.supremecourt.gov.pk/downloads_judgements/s.m.c._1_2022.pdf).

⁷ *Russian invasion of Ukraine must be stopped immediately: COAS Bajwa. The Dawn. 2 April 2022.* (<https://www.dawn.com/news/1683055/russian-invasion-of-ukraine-must-be-stopped-immediately-coas-bajwa>).

станской политической системы. Представляется, что конституционно-политический кризис в Пакистане 2022 г. свидетельствует не о трансформации системы, а о проявлении большей гибкости и устойчивости ее основ.

Истеблишмент продемонстрировал умение лишать власти политиков без помощи военных переворотов, вмешательства исполнительной власти в лице президента страны и даже без судебных процессов по обвинениям в коррупции, а посредством «парламентского демократического процесса».

Ни одна из противоборствующих сил не выступила против истеблишмента, наоборот – победу в противостоянии достигла сторона, которая заручилась его поддержкой. Можно предположить, что представители политического класса смогут обрести полноценную субъектность, только создав альтернативный нарратив о прошлом, настоящем и будущем страны, который бы был принят широкими слоями среднего класса. В ином случае истеблишмент так и останется главным политическим субъектом страны, что лишней раз продемонстрировал кризис 2022 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белокреницкий В.Я. (2019) Формирование и современное состояние пакистанской нации // Восток (Oriens). № 1. С. 76–91. DOI: 10.31857/S086919080004457-9.
- Замараева Н. А. (2015) Армия и демократические институты в современном Пакистане // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. № 9. С. 312–327.
- Филимонова А. Л. (2010) Идея Пакистана: предыстория формирования // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. № 3. С. 84–101.
- Anderson B. (2006) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and the Spread of Nationalism*. London, New York: Verso. 240 p.
- Jatoi S., Mustafa G., Kataria M. (2022) Judicial Activism and Democracy in Pakistan: a Case Study of Chief Justice Saqib Nisar Era // *Pakistan Journal of Social Research*. Vol. 4. Pp. 1–12.
- Lachmann R. (2013) *What Is Historical Sociology?* Cambridge: Polity Press. 176 p.
- Mills C.W. (2000) *The Power Elite*. Oxford: Oxford University Press. 448 p.
- Omissi D. (1994) *The Sepoy and the Raj: The Indian Army, 1860–1940*. London: Palgrave Macmillan. 313 p.
- Raghavan S. (2019) *The Most Dangerous Place*. New Delhi: Penguin Random House India. 472 p.
- Rostow W. (1959) The Stages of Economic Growth // *The Economic History Review*, New Series. No. 1. Pp. 1–16.
- Said E. (1979) *Orientalism*. New York: Vintage Books. 367 p.
- Siddiq A. (2016) *Military Inc. – Second Edition: Inside Pakistan’s Military Economy*. Gurugram: Penguin Random House India. 400 p.
- Waseem M. (2021) *Political Conflict in Pakistan*. London: C. Hurst & Company. 625 p.

REFERENCES

- Anderson B. (2006) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and the Spread of Nationalism*. London, New York: Verso. 240 p.
- Belokrenitsky V. (2019) Formirovanie i sovremennoe sostoyanie pakistanskoj nacii [Formation and the Present Condition of Pakistani Nation]. *Vostok (Oriens)*. no. 1, pp. 76–91. DOI: 10.31857/S086919080004457-9.

- Filimonova A. (2010) *Ideya Pakistana: predystoriya formirovaniya* [The Idea of Pakistan: Background of Formation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. no. 3, pp. 84–101.
- Jatoi S., Mustafa G., Kataria M. (2022) Judicial Activism and Democracy in Pakistan: a Case Study of Chief Justice Saqib Nisar Era. *Pakistan Journal of Social Research*. vol. 4, pp. 1–12.
- Lachmann R. (2013) *What Is Historical Sociology?* Cambridge: Polity Press. 176 p.
- Mills C.W. (2000) *The Power Elite*. Oxford: Oxford University Press. 448 p.
- Omissi D. (1994) *The Sepoy and the Raj: The Indian Army, 1860–1940*. London: Palgrave Macmillan. 313 p.
- Raghavan S. (2019) *The Most Dangerous Place*. New Delhi: Penguin Random House India. 472 p.
- Rostow W. (1959) The Stages of Economic Growth. *The Economic History Review, New Series*. no. 1, pp. 1–16.
- Said E. (1979) *Orientalism*. New York: Vintage Books. 367 p.
- Siddiq A. (2016) *Military Inc. – Second Edition: Inside Pakistan's Military Economy*. Gurugram: Penguin Random House India. 400 p.
- Waseem M. (2021) *Political Conflict in Pakistan*. London: C. Hurst & Company. 625 p.
- Zamaraeva N. *Armiya i demokraticheskie instituty v sovremennom Pakistane* [Army and Democratic Institutions in Contemporary Pakistan]. *Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke*. no. 9, pp. 312–327.

Информация об авторе

Макаревич Глеб Григорьевич, младший научный сотрудник Группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: gmakarevich@imemo.ru

About the author

Gleb G. Makarevich, Junior Research Fellow, Group on South Asia and Indian Ocean, Center for Asia Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: gmakarevich@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 2.10.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 30.10.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 5.11.2022